

Ноздрев

Ноздрев — молодцеватый 35-летний «говорун, кутила, лихач»; третий по счету помещик, с которым Чичиков затевает торг о мертвых душах.

Знакомство происходит в 1-й главе, на обеде у прокурора; возобновляется случайно — в трактире (гл. 4). Чичиков направляется от Коробочки к Собакевичу. Ноздрев, в свою очередь, вместе с «зятем Межуевым» возвращается с ярмарки, где пропил и проиграл все, вплоть до экипажа. Ноздрев немедленно заманивает Чичикова к себе в имение, попутно аттестовав Собакевича «жидомором», а самого героя романа (не слишком охотно соглашающегося последовать за Ноздревым) — Оподелдочком Ивановичем. Доставив гостей, немедленно ведет показывать хозяйство. Начинает с конюшни, продолжает волчонком, которого кормят одним лишь сырым мясом, и прудом, где (по рассказам Ноздрева, неизменно фантастическим) водятся щуки, каждую из которых под силу вытащить лишь двум рыбакам. После псарни, где Ноздрев среди собак выглядит «совершенно как отец семейства», гости направляются на поле; тут русаков, конечно же, ловят руками.

Ноздрев не слишком озабочен обедом (за стол садятся лишь в 5 часов), поскольку еда — далеко не главное в его буйной жизни. Зато напитков у Ноздрева в изобилии, причем, не довольствуясь их «натуральным» качеством, хозяин выдумывает невероятные «составы» (бургуньон и шампаньон вместе; рябиновка «со вкусом сливок»), отдающая, однако, сивухой). При этом Ноздрев себя щадит; заметив это, Чичиков потихоньку выливает и свои рюмки. Однако наутро «щадивший» себя хозяин является к Чичикову в халате, под которым нет ничего, кроме открытой груди, обросшей «какой-то бородой», и с трубкой в зубах — и, как положено гусарствующему герою, уверяет, что во рту у него «эскадрон ночевал». Есть похмелье или нет его — совсем не важно; важно лишь, что порядочный гуляка должен страдать от перепоя.

Мотив «ложного похмелья» важен автору еще в одном отношении. Накануне вечером, во время торга, Ноздрев насмерть поссорился с Чичиковым: тот отказался сыграть с буйным «продавцом» на мертвые души в карты; отказался купить жеребца «арабских кровей» и получить души «в придачу». Но как вечернюю задиристость Ноздрев невозможно списать на пары алкоголя, так и утреннее миролюбие нельзя объяснить забвением всего, что сделано в пьяном угаре. Поведение Ноздрева мотивировано одним-единственным душевным качеством: безудержностью, граничащей с беспамятством.

Ноздрев ничего не задумывает, не планирует, не «имеет в виду»; он просто ни в чем не знает меры. Опрометчиво согласившись сыграть с ним на души в шашки (поскольку шашки не бывают краплеными), Чичиков едва не становится жертвой ноздревского разгула. Души, поставленные «на кон», оценены в 100 рублей; Ноздрев сдвигает обшлагом рукава сразу по три шашки и проводит таким образом одну из них в дамки — не оставляя Чичикову иного выхода, как смешать фигуры. Расправа кажется неминуемой. Могучие Порфирий и Петрушка схватывают героя; Ноздрев в азарте кричит: «Бейте его!» Чичикова спасает лишь явление грозного капитан-исправника с огромными усами, пародирующее и *deus ex machina* («бог из машины») древнегреческой трагедии, и одновременно финал «Ревизора».

Ретировавшийся Чичиков надеется, что первая встреча с Ноздревым окажется последней; однако им предстоит еще две встречи, одна из которых (гл. 8, сцена губернского бала) едва не погубит покупателя «мертвых душ». Неожиданно столкнувшись с Чичиковым, Ноздрев кричит во всеуслышание: «А, херсонский помещик, херсонский помещик! <...> он торгует мертвыми душами!» — чем порождает волну невероятных слухов. Когда чиновники города NN, окончательно запутавшись в «версиях», призывают

Ноздрева, тот подтверждает сразу все слухи, не смущаясь их разноречивостью (гл. 9). Чичиков накопил мертвых душ на несколько тысяч; он шпион, фальшивомонетчик; собирався увезти губернаторскую дочку; венчать за 75 рублей должен был поп Сидор из деревни Трухмачевка; Чичиков — Наполеон; кончает Ноздрев полной околесицей. А затем сам же (в 10-й главе) сообщает «херсонскому помещику» об этих слухах, нанеся ему визит без приглашения. Вновь начисто позабыв о нанесенной обиде, Ноздрев предлагает Чичикову помощь в «увозе» губернаторской дочки, причем всего за три тысячи.

Как все остальные герои поэмы, Ноздрев словно «переносит» очертания своей души на очертания своего быта. Дома у него все бестолково. Посередине столовой стоят деревянные козлы; в кабинете нет книг и бумаг; на стене висят «турецкие» кинжалы (на одном Чичиков видит надпись: мастер Савелий Сибиряков); любимая шарманка Ноздрева, которую он именуется органом, начав играть мотив «Мальбруг в поход поехал», завершает знакомым вальсом, а одна бойкая дудка долго не может успокоиться.

Фамилия Ноздрева связывает его с комическими персонажами русской «носологической» литературы, чей юмористический колорит обеспечивался бесконечными шутками над носами героев. Одежда (полосатый архалук), внешность (кровь с молоком; густые черные волосы, бакенбарды), жесты (молодцевато сбрасывает картуз), манеры (сразу переходит на «ты», лезет целоваться, всех именуется или «душками», или «фетишами»), непрерывное вранье, задиристость, азарт, беспамятство, готовность нагадить лучшему другу без какой-либо цели, — все это с самого начала создает узнаваемый литературно-театральный образ буйного щелкопера. Ноздрев узнаваемо связан с водевильным типом Буянова, с Хлестаковым из «Ревизора». Но в отличие от «сложного» Хлестакова, который в своем вдохновенном вранье изживает убогость собственного существования, Ноздрев ничего не «изживает». Он просто врет и гадит «от юркости и бойкости характера». Характерен эпизод, в котором Ноздрев показывает Чичикову и Межуеву свои владения — и, подводя их к «границе» (деревянный столбик и узенький ров), вдруг неожиданно для себя самого начинает уверять: «...Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и все, что за лесом, все мое». Этот «перебор» вызывает в памяти безудержно-фантастическую ложь Хлестакова. Но если Ноздрев что и преодолевает, то не себя самого, не свою социальную ущербность, а лишь пространственную тесноту окружающей жизни; его поистине безграничная ложь есть обратная сторона русской удали, которой Ноздрев наделен в избытке. А в отличие от «носологических» персонажей, от Буяновых, от Пирогова, от Чертокуцкого и тому подобных пустых героев, Ноздрев не до конца пуст. Его буйная энергия, не находящая должного применения (Ноздрев может неделями азартно раскладывать пасьянс, забыв обо всем на свете), все же придает его образу силу, яркую индивидуальность, ставит в своеобразной иерархии отрицательных типов, выведенных Гоголем, на сравнительно высокое место — «третье снизу».

По существу, если до Ноздрева Чичиков (и читатель) встречаются с безнадежными, душевно мертвыми персонажами, которым нет и не может быть места в грядущей, преображенной России (образ которой предстояло создать в 3-м томе поэмы), то с Ноздрева начинается череда героев, сохранивших в себе хоть что-то живое. Хотя бы живой, при всей его бестолковости, характер и живую, грубовато-пошлую, но выразительную речь (графиня, ручки которой — «самый subtilный суперфлю»; собаки с «крепостью черных мясов» и др.). Именно поэтому Ноздрев наделен неким условным подобием биографии (тогда как Манилов биографии начисто лишен, а у Коробочки есть лишь намек на биографическую предысторию). Пускай эта «биография» и пародийно-однообразна: «разбойные» похождения «исторической личности», то есть личности, вечно попадающей во всякие истории. Именно поэтому, возникнув на страницах романа еще в 1-й главе, он не просто активно действует в двух главах, 4-й и 6-й, но участвует и в главах с 8-й по 10-ю. Его образ словно не умещается в замкнутых границах отдельного

эпизода; отношения Ноздрева с романским пространством строятся по тому же типу, что и его отношения с пространством как таковым — «все это мое, и даже по ту сторону <...> все мое». Не случайно автор сводит Чичикова с Ноздревым в трактире — то есть на возвратном пути к потерянной кучером Селифаном боковой дороге, символизирующей путь в будущее.